

Название книги А.Л. Верлинского демонстрирует сложность проблемы, которой книга в значительной части посвящена, проблемы соотношения слов и вещей. Как замечает автор в Предисловии: «Эта книга не является историей античных учений о возникновении языка в обычном смысле». Непосредственный предмет исследования – рассуждение о возникновении языка в I книге «Исторической библиотеки» Диодора, при этом ставится цель доказать, что Диодор излагает (через посредничество Гекатея Абдерита) учение Демокрита. Это доказательство развернуто в серию подробных и многосторонних комментариев, и читатель, который возьмет на себя труд последовать за аргументацией А.Л. Верлинского, во-первых, получит удовольствие от чтения русской книги по классической филологии (что, к сожалению, бывает редко), во-вторых, признает, что тема, заявленная в названии, освещается в монографии гораздо с большей полнотой, чем это может показаться на первый взгляд.

А.Л. Верлинский, кроме собственно Диодора (I 8), рассматривает ряд текстов, важных для понимания античных учений о языке. Прежде всего, это Витрувий (II 1, 1) и Лактанций (Inst. VI 10, 13–15). Как доказывает А.Л. Верлинский, сообщения Диодора, Витрувия и Лактанция о развитии цивилизации и возникновении языка восходят к единому источнику (Глава I). Далее, рассматривается доксографический пассаж Прокла из комментария к «Кратилу» (In Crat. 16 p. 25 Pasquali = Democritus fr. B26 DK 563 Luria). Излагаемая Проклом доксография приписывает Демокриту учение об установлении (θέσει τὰ ὀνόματα) и случайности (τύχη τὰ ὀνόματα) имен (Глава II § 1). А.Л. Верлинский защищает достоверность этого свидетельства, полемизируя с неоднократно выражавшимся скептицизмом, при этом рассматривается и комментируется другой весьма важный фрагмент Демокрита (Sext. Adv. Math. VIII 184 = fr. 57 Luria). Из слов Прокла следует, что Демокриту была известна проблема многозначности, и этот вопрос разъясняется в специальном разделе (II §2), где комментируются слова Федры («Ипполит», 385–387), демонстрирующие знакомство Еврипида с идеей многозначности. Далее (гл. III) автор рассматривает относящиеся к наименованию фрагменты Парменида (28 B DK), и Ксенофана (B8, 9 DK), к проблеме νόμος – φύσις привлечен фрагмент Эмпедокла (B9 DK) отрывки из ранних трактатов Гиппократова корпуса (De Arte II, De Natura hominis V), да-

лсс, – другой трактат из Гиппократова корпуса, De Morbo sacro, в котором А.Л. Верлинский находит приближение к «лингвистическому конвенционализму». Глава IV посвящена двум концепциям, связанным с установлением языка, а именно, мифологеме «учредителя имен» и, с другой стороны, идее появления членораздельной речи, понимаемой как важнейшая часть цивилизации. Эту идею, возможно, развивал Архелай и, вероятно, Протагор, поэтому данный раздел монографии посвящен анализу диалога «Протагор» Платона, тут же обсуждаются релевантные отрывки из трагиков. Таким образом, А.Л. Верлинский даст очень полный обзор источников, отражающих мнения о происхождении языка, сложившиеся к последней четверти V в. до н. э., эпохи, на которую приходится расцвет Демокрита. Глава V посвящена собственно Демокриту, но Демокритом не ограничивается, и читатель найдет здесь пространные комментарии к «Кратилу», менее пространные – к «Филебу», замечания о софистах Антифонте и Ликофроне и многое другое. В главе VI предлагается столь же детальный анализ эпикурейских текстов, прежде всего, отрывка из «Письма к Геродоту» (= Diog. Laert. X 75–76), а также Диогена из Энесады и Филодема. Рядом с хорошо известными и многократно обсуждавшимися эпикурейскими высказываниями о происхождении и развитии языка А.Л. Верлинский ставит интереснейший и редко вспоминаемый отрывок из Клавдия Птолемея (De Iudicandi facultate IV, 2–6). Наконец, в VI главе мы находим анализ имеющих отношение к теме частей V книги Лукреция (специальный § 2 посвящен стихам 1028–1090), впрочем, Лукреций упоминается и в предшествующих главах. Здесь же обсуждается совсем редкий документ, книга «О Красном Море» этнографа Агатархида, в которой описываются «дикие люди», использующие нечленораздельную речь и жесты, – этому вопросу А.Л. Верлинский придает оправдано большое значение.

Читателю, который хотел бы получить фундаментальный филологический комментарий к источникам, будет удовлетворен книгой А.Л. Верлинского. Все тексты, попавшие в поле зрения автора, исследуются в тончайших деталях, при необходимости обсуждаются и текстологические проблемы. По каждому вопросу мы находим самый полный и компетентный обзор старой и новой научной литературы. Однако платой за полноту является трудность изложения и сложность композиции. А.Л. Верлинский строит материал,

следуя логике своей аргументации, и новые, часто фундаментальные, проблемы вводятся *ad hoc*, как разъяснения и добавления, и часто эти разъяснения разрастаются в пространственные экскурсы. Нужно, впрочем, заметить, что экскурсы и отвлечения очень интересны, и читатель, преодолевший сложности изложения, будет вполне вознагражден. Отметим ради примера рассуждение о выражении *κοινὴ δίαλεκτος* (с. 73) или комментарий к загадочному выражению Демокрита (?) «имена богов – звучащие изваяния» (с. 222). Что касается текстов, то мы могли бы указать на несколько подлинных комментаторских удач, таких, как разъяснения к § 76 «Письма к Геродоту» Эпикура (с. 306). Серьезное чтение V книги Лукреция едва ли будет возможно без учета комментариев А.Л. Верлинского.

То, что в риторике называлось *inventio* 'приискание', в книге А.Л. Верлинского не только чрезвычайно разнообразно и широко, но и охватывает разные уровни филологического исследования. Автор свободно перемещается от обсуждения глобальных философских концепций к толкованию слов и объяснению синтаксических конструкций. Систематически проводимая связь общих вопросов с филологическим анализом текстов на уровне слова и буквы – большое достоинство обсуждаемой книги.

Принятый в книге способ цитирования нельзя признать удобным. Большинство текстов дается в русском переводе со вставками греческих или латинских слов. Понятно, что именно в такой форме предстают источники во многих западных, особенно англоязычных, работах последних десятилетий, однако это упрощение не соотнобразуется с содержанием и филологическим уровнем книги, которая требует от читателя постоянной и самой тщательной работы с первоисточниками. Отрывок из «Письма к Геродоту» приводится полностью по-гречески с переводом и критическим аппаратом (с. 273), хотя как раз по поводу «Письма» не обсуждаются текстологические проблемы. Некоторые отрывки цитируются в оригинале и в переводе, но без критического аппарата, однако основной источник по Демокриту, фрагмент B26 DK (Прокл) не приводится полностью ни по-гречески, ни по-русски (с. 92 и сл.).

Нам показалось, что ветвящаяся структура и перегруженность содержания создавали для автора такие же трудности, с какими столкнется и читатель. При глубочайшей и тончайшей разработке мелких деталей в самых критических и важных пунктах доказательства оказываются недостаточными.

Напомним, что в монографии доказывалось, что теория происхождения языка, излагае-

мая Диодором, восходит к Демокриту. Идея эта далеко не новая: после работы Рейнхардта [Reinhardt 1912], отрывок из Диодора был включен Дильсом в число «фрагментов» (серия «В») Демокрита, за Дильсом в целом последовал С.Я. Лурье¹. Однако общепринятой эта атрибуция не стала. Значение Демокрита как одного из первых теоретиков языка едва ли нужно доказывать, поэтому любые аргументы в поддержку словесной или идейной аутентичности фрагмента B5 DK имеют большую ценность.

В самом общем виде аргументация А.Л. Верлинского строится следующим образом:

(1) Источником Диодора была единственно «Египетская история» Гекатея, что «исключает влияние эпикуреизма» по хронологическим соображениям (с. 15).

Заметим, что, к сожалению, хронология Гекатея никак не обсуждается, хотя он был старшим современником Эпикура, и только самые ранние датировки «Египетской истории» могут иметь решающее значение.

(2) Диодор излагает принципиально иную схему исторического развития, чем Эпикур.

(3) Учение о языке, имплицитное рассказом Диодора, принципиально отличается от учения Эпикура. Главное отличие в том, что для Диодора язык – *θεσσει* 'по установлению', что согласуется с конвенционализмом Демокрита, а для Эпикура язык – *φύσει* 'по природе'.

Остановимся кратко на третьем пункте.

В «Письме к Геродоту» Эпикур описывает, как в первобытную эпоху возникали первичные звуки (первая стадия развития языка): природа человека испытывает некоторое претерпевание, в ответ на это претерпевание человек издает звук. В разных местах человеческая природа была разная, поэтому разными были претерпевания и разные звуки, по этой причине впоследствии получились разные языки, пользующиеся разным фонетическим материалом. Если, далее, предположить, что претерпевания мотивированы внешними объектами (Эпикур о таковых не упоминает²), то мы получим физическую, даже

¹ Фрагмент B5 DK включает целиком текст Диодора I 8; в собрании Лурье I 8, 3–4 = fr. 566 (возникновение языка), а §§ I 8, 1–2; 5–7 составляют fr. 558.

² Эпикур говорит *ὑφ' ἐκάστῳ τῶν παθῶν καὶ τῶν φωνησμάτων* '(звуки произносились) под действием специфического претерпевания и видимости (образ воспринимаемого объекта)'. Я не могу согласиться с тем, что выражение *φωνησμάτων* «предполагает связь слова и предмета» (с. 290 со ссылкой на [Vlastos 1946]).

каузальную, цепь: объект – претерпевание – звук. Конечно, это означает, что «слова по природе», – но слова, взятые только как звуковые комплексы. Чтобы звук стал знаком, движение надо развернуть в обратном направлении: звук – претерпевание – объект. Эту цепочку едва ли можно мыслить как физическую и каузальную. Действительно, далее, описывая вторую стадию, Эпикур говорит о том, как разные народы установили (τε-θηνοι) разные имена, и стали пользоваться ими как знаками. Получается, что «слова по установлению», и в этом нет противоречия.

В интересах своей концепции А.Л. Верлинский утверждает, что Эпикур говорит об установлении в особом смысле, подразумевая «какое-то менее существенное совершенствование слов» (с. 252). Это могло бы стать предметом интересной дискуссии, если бы против конвенционализма Эпикура А.Л. Верлинский выдвинул какие-нибудь аргументы, кроме того, что это «неправдоподобно» (с. 295).

Первая стадия языка описана у Диодора весьма сжато: τῆς φωνῆς δ' ἀσήμεναι καὶ συγκεχυμένης οὐσης ἐκ τοῦ κατ' ὀλίγον διαρθροῦν τὰς λέξεις 'Язык первых людей не имел ясных значений и был нечленораздельным. Постепенно, однако, они стали артикулировать звуки, образуя слова...' (перевод автора монографии). А.Л. Верлинский комментирует это место: «На первой стадии люди издают лишь нечленораздельные звуки, которые не обладают значением, т.е. лишь выражают эмоции и не связаны с предметами» (с. 63). Эта интерпретация ставит нас перед очень серьезными трудностями, как сама по себе, так и в связи с Демокритом (предполагаемым источником Диодора). Мы должны признать, что Демокрит уже разделял фонетический знак и значение, но при этом не различал значение и 'предмет'³. Но вернемся к Эпикуру. В § 75 «Письма к Геродоту» ничего не говорится об отношении фонетических знаков и вещей на первой стадии, и это отношение

может быть установлено только из общей реконструкции семантики Эпикура⁴.

Вопрос о том, наделял ли Эпикур первоначальные звуки значением (сигнификатом), полагал ли он, что эти звуки участвовали в устойчивых референтных отношениях с внешними объектами, является в высшей степени спорным. А.Л. Верлинский утверждает, что «в эпикурейской теории слова изначально связаны с предметами» (с. 61 и сл.), устанавливая тем самым концептуальное различие между Диодором (= Демокритом) и Эпикуром. Более детальное, чем это сделано в монографии, обсуждение полемики по этой проблеме можно было бы только приветствовать.

Неожиданно поспешным оказывается обсуждение другого пассажа из «Письма к Геродоту» (37–38), в высшей степени трудного и спорного: πρῶτον μὲν οὖν τὰ ὑποτεταγμένα τοῖς φθόγγοις ... δεῖ εἰληφέναι... ἀνάγκη γὰρ τὸ πρῶτον ἐννόημα καθ' ἑκάσθον φθόγγον βλέπεσθαι...

В этом случае читателю просто предлагается *sine ira et studio* принять перевод: «В первую очередь необходимо уяснить то, что положено в основании слова... Ведь необходимо, чтобы у каждого слова усматривалось первое значение» (с. 359). Интерпретирующий перевод φθόγγος 'слово' (вместо 'звук'), безусловно, не может быть принят. Что касается труднейшего ἐννόημα, то было бы справедливо предложить читателю доказательства в пользу интерпретирующего перевода значения (вместо буквального 'мысль', 'представление').

Это место из Эпикура приводит нас, наконец, к понятию значения. А.Л. Верлинский присоединяется к распространенной (можно сказать, традиционной) точке зрения, согласно которой Эпикур постулировал значения как особый класс объектов, а именно, внутренних, ментальных структур, которые, прежде всего, отождествляются с *προ-λε-ψι-σ-ο-μ*⁵. Нельзя, однако, согласиться с тем,

³ Ср. перевод С.Я. Лурье, в котором сглажено «семантическое» понимание ἄσημος: «Из голоса, первоначально невнятного и нечленораздельного, постепенно стали вылепляться слова». Так же переводит Oldfather: «And though the sounds which they made were at first unintelligible and indistinct...». Аналогичное затруднение возникает и в связи с концепцией τύχη τὰ ὀνόματα. Примерно понятно, что означает τύχη применительно к акту установления имен, совершенно не понятно, в каком смысле τύχη могло бы описывать отношение от знака к значению или от знака к вещи.

⁴ В гл. VII § 4 («Учение о возникновении языка и эпистемология Эпикура») этот вопрос рассматривается, но лаконично (см. далее о §§ 37–38 «Письма к Геродоту»). Неоправданным мне кажется умолчание о важной теории Глиддена, в которой учение о языке Эпикура истолковано в духе «твердых десигнаторов» Крипке [Glidden 1983].

⁵ При таком понимании эпикурейская семантика будет очень близка к Аристотелю, а в формальном отношении она совпадает с классической современной семантикой Фреге.

что эта теория несовместима с конвенционализмом. «Если слово является лишь конвенциональным знаком, который может быть по соглашению заменен любым другим, тогда и связанные с этим словом в сознании представления носят лишь условный характер и не содержат ничего обязательного» (с. 361). Такова гносеологическая опасность, которой, по мнению А.Л. Верлинского, хотел избежать Эпикур. В действительности эпикурейский пролепсис не зависит от языка. Если в нас есть пролепсис «бессмертных и блаженных богов», то «очевидность» этого представления никак не может быть затронута сменой языкового знака. Пролепсис «богов», заметим, не зависит не только от языка, но и от ощущений. Очевидно, что забота Эпикура о защите естественного языка от произвольных изменений (с. 366) была мотивирована какими-то иными соображениями.

Иногда нам казалось, что автор в стремлении доказать свои тезисы боролся с текстом, а не интерпретировал его непредвзято.

Витрувий пишет о первобытных людях (II 1.1): *in eo hominum congressu cum profundebantur aliter spiritu voces...* – Непонятное *aliter*, еще менее понятное *spiritu*. А.Л. Верлинский исходит из того, что это место соответствует τῆς φωνῆς... συγκεχυμένης (*profundebantur* ?) Диодора, следовательно, Витрувий описывает нечленораздельные звуки. Почему? «... звук издавался при помощи дыхания, т.е. без участия языка» (с. 63). К сожалению, это толкование выражения *spiritu* принять невозможно. Кроме того, картина жизни древних людей, нарисованная Витрувием, едва ли предполагает пыхтение как единственный доступный звуковой сигнал. «На неартикулированные звуки указывает, помимо *spiritu*, также и *profundo*» (с. 64, прим. 9). Каким образом? Едва ли есть основания переносить в текст Витрувия смысл выражения Цицерона (*De Nat. Deorum* II 149) *lingua... vocem immoderate profusam fingit* ‘язык лепит (= придает форму) голос, без меры разлившийся’. Впрочем, у Цицерона речь не идет о нечленораздельности, как и в других случаях, когда этот глагол соединяется с идеей речи (*Lucret.* IV 540, *Gell.* X 4, 4). С другой стороны, сходство фразы Витрувия с «Письмом к Геродоту» (75) достаточно существенно, и едва ли правильно оставлять это сходство без комментария: ἰδίως τὸν ἄερα ἐκπέμπειν στελλόμενον. Кажется, что ἰδίως ‘специфически, по-разному’ Эпику-

ра (ср. с. 278 обсуждаемой монографии)⁶ дает хорошее объяснение *aliter* Витрувия и поддерживает конъектуру *aliter* <*atque aliter*> против изящного исправления *alitae* (*editio princeps*), принятого в издании Каллеба [Callebat (ed.) 1999].

При самом тщательном рассмотрении аргументов, собранных А.Л. Верлинским, я пришел к выводу, что у Диодора не сказано о языке ничего, что догматически не совместимо с учением Эпикура, хотя, с другой стороны, едва ли можно доказать, что Диодор следует в этом вопросе именно эпикурейской доктрине. Жанровые и содержательные различия между Диодором и доступными нам эпикурейскими текстами затрудняют прямое сопоставление. Вопрос о зависимости Диодора от Демокрита следует, вероятно, признать нерешенным.

Как видим, книга во многих местах приглашает читателя к дискуссии, что только увеличивает ценность труда А.Л. Верлинского. Нетривиальный подход ко многим сложнейшим проблемам поддерживается исключительно высокой филологической техникой, и это позволяет нам говорить о книге «Античные учения о возникновении языка» как о серьезном вкладе в изучение античной философии языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Callebat (ed.) 1999 – L. Callebat (ed.). Vitruve de l'Architecture. L. II. Paris, 1999.
 Glidden 1983 – D.K. Glidden. Epicurean semantics // ΣΥΖΗΤΗΣΙΣ. Studi sull' epicureismo greco e romano offerti a M. Gigante. Napoli, 1983.
 Reinhardt 1912 – K. Reinhardt. Hekataios von Abdera und Demokrit // Hermes. 1912. 12.
 Vlastos 1946 – G. Vlastos. On the prehistory in Diodorus // The American journal of philology. 1946. V. 67.

А.Е. Кузнецов

⁶ Эпикур в этом месте подчеркивает то, что первичные звуки были простой физиологической реакцией.